

тельные, выступающие иногда в разговорной речи с ярким экспрессивно-оценочным значением, сдвигающим их лексическое содержание, например: *жуть, восторг, роскошь, блеск, красота, умопомрачение* («Поп угостил меня такой колбасой — *умопомрачение!* — А. Толстой. Детство Никиты. Как я тонул) и др. Если включать в междометия некоторые обособившиеся по значению формы повелительного наклонения, как *валяй* и т. п., то придется признать, что при соответствующих условиях эти «междометия», однако, изменяются, так же как («омонимичные» в таком случае) глагольные формы, ср., например: «— *Валяйте* сюда! Сюда ребята!» (Чехов. Москва). «Виктор поощрял ее: — *Валяйте*, мамаша, чего стесняться! Все свои ведь...» (Горький. В людях, гл. 4). «— Скажи своим городским, которые для вас пижут — для деревни тоже писали бы! Пусть *валяют* так, чтобы деревню варом обдало, — чтобы народ на смерть полез!» (Горький. Мать, ч. I, гл. 25) и т. п., — т. е. придется признать, что это — такие «междометия», которые «спрягаются», причем совершенно аналогично соотносительным глагольным формам. Не проще ли считать их обособившимися по значению формами повелительного наклонения? Тем более, что отдельные формы некоторых глаголов, утрачивая отчетливые очертания своего лексического и прагматического значения, могут в разных контекстах выступать в функции и частиц, и междометий, и такой, которая не может быть подведена ни под какую рубрику классификации по частям речи; ср. употребление форм *смотри* — *смотрите, гляди* — *глядите, брось* — *бросьте*. «Отрыв» здесь идет одновременно по нескольким линиям. Лексическое и грамматическое значение формы сдвигается в различных направлениях, но оно продолжает оставаться тем внутренним стержнем, который ощущается при самом разнообразном употреблении этих форм и который не дает им распасться на ряд самостоятельных омонимов. Ср. также неустраненную «потенциальную» соотношенность этих «оторвавшихся» форм с другими формами соответствующих глаголов; например: «—...Живи, зайinka, как тебе подсказывает молодое сердце. *Валяй*, воясю, покуда *валяется*. — Она засмеялась и куснула Надю за шею. — Старая будешь — так не *завляется*, кукушечка» (А. Толстой. Голубые города); «—... так что *валяйте*, высказывайтесь! — махнул он рукой... — *Валять* можно только дурака, а мне, уважаемый, *валять* нечего-с! — оскорбленно возразил Петр Горбидонич» (Леонов. Вор); ср.: «— Нет, примете! — Нет. — *Посмотрим...* — *Посмотрите...* (Л. Андреев. Христиане); «— Иди спи, Петр Федотович, а то в окно выброшу! — Ну это, говорю ей, мы еще *посмотрим*. — Ну, и *посмотрел...* Проявил излишнюю активность, и вот вам, пожалуйста...» (Шолохов. Они сражались за родину); «— Может быть, вернемся, Колька? Ты *смотри!* — Чего, — говорю, — там *смотреть*, пять верст всего» (Житков. Метель) и мн. под. Кроме того, отнесение к союзам, предлогам, частицам словосочетаний, включающих в себя знаменательные слова, не позволяет говорить об отсутствии у служебных частей речи собственного лексического значения, что, в конечном счете, подрывает и семантико-функциональные критерии их выделения. Так, Н. Ю. Шведова, отмечая, что при попытках определить собственное лексическое значение частиц «частице обычно приписывалось значение, свойственное не ей самой как слову, а той конструкции, в составе которой это слово функционировало»²², признает, что «взятые изолированно, вне определенного типа конструкции, частицы лишены лексических значений»²³. Однако в той же работе автора к «частицам» отнесен ряд таких форм, которые могут употребляться в качестве самостоятельных предикатов (ср. *давай!*, *смотри!*, *какое!* и т. п.). Таким образом, вопрос о подлинной функции частиц оказывается неразрешенным.

Несомненно, что чрезвычайно важным является определение н а п р а в а

²² Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960, стр. 98.

²³ Там же, стр. 97.